
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АНТРОПОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА: РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА В.П. РИМСКОГО «ЧЕЛОВЕК ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ»

К. Ю. Королёва

*Белгородский
государственный
университет*

Глобальный дестабилизирующий характер терроризма делает анализ данного феномена безусловно актуальным. Разнообразие форм и видов проявлений террора в современном мире, широкий спектр средств и методов воздействия, которые применяются в целях навязывания обществу определенных линий поведения, поражает тем, насколько быстро адаптируются проявления политики устрашения и насильственных действий под влиянием актуальных социокультурных, экономических и политических условий жизни общества. Новейшие технологические достижения зачастую оборачиваются против цивилизации и мира, поднимая уровень и сопротивления, и потерь к новым вершинам. Данное соревнование бесконечно, и в итоге в рядах проигравших оказываются все – и организаторы, и жертвы, и созерцатели трагических событий. Интенсивное международное правовое и силовое сотрудничество в сфере противодействия терроризму не сделали человечество менее уязвимым перед его угрозами. Более того, применяемые методы профилактики и борьбы все чаще показывают свою неэффективность. Социально-гуманитарные науки, к сожалению, пока не преуспели в поиске антидотов терроризму. Можно бесконечно апеллировать к поиску рациональных политических и экономических основ данной деятельности, но уже становится очевидным, что для создания адекватных теоретических моделей понимания¹ и объяснения, необходимо принимать во внимание

---

¹ Здесь интерпретируется в традиции М.Вебера – понимание как извлечение смыслов, вложенных индивидами в свои действия, являющееся предпосылкой для последующего объяснения.

влияние всю полифонию культурных, религиозных, мировоззренческих, субъективных факторов, позволяющих нам оценить и сопоставить сиюминутные иррациональные нелинейные мотивы как субъектов терроризма, так и исследователей, занимающихся изучением данных проблем.

В рецензируемой монографии представлен оригинальный взгляд на истоки, сущность и культурно-типологические формы терроризма. Авторский коллектив анализирует обширный теоретический материал, представленный различными методологическими традициями, в контексте конкретно-исторических условий их формирования. Подобная схема позволяет, в одной стороны, проследить феноменологию насилия и терроризма в глубинных культурно-исторических контекстах, а с другой – исследовать «культурный хронотоп терроризма в пространстве мифа, игры, религии и повседневности» – и это измерение представляет особый исследовательский интерес, поскольку каждая модель рациональности привносит собственные смыслы в изучение данного феномена. Расставленные культурно-антропологические, религиоведческие и философско-культурологические акценты существенно расширяют интерпретативные возможности применения анализируемых подходов к изучению феномена терроризма, позволяя увидеть новые горизонты в исследовании данной проблемы.

Первая глава «Тоталитарно-террористический феномен в контексте философско-методологической рефлексии» представляет ретроспективный анализ основных классических и неклассических методологических подходов к исследованию терроризма, и обоснование эвристических преимуществ культурно-антропологического подхода к исследованию «пограничных» социальных состояний, связанных с проявлениями аномии, насилием над личностью, институциональным кризисом общества: именно «пристальное внимание к *живому человеку* как точке пересечения всех культурных миров и социокультурных практик, человеку, включенному в сложный контекст современных формообразований культуры» позволяет сформировать интегральную картину социальной реальности.

В работе развивается идея о взаимосвязи тоталитаризма и терроризма. Во второй главе монографии тоталитаризм и терроризм рассматриваются авторами как *антисистемные* социокультурные феномены, поскольку, являясь имманентными частями социальной системы, они отражают процессы её деградации и необходимость качественного перерождения составляющих её ценностных, нормативных, регулятивных и символических элементов. Так государственный террор, находящий выражение в пренебрежении правами граждан, грубом попрании моральных ценностей, развитии репрессивных институтов, тоталитаризме является самым опасным из проявлений терроризма, а также одним из признаков глубокого системного кризиса базовых социальных институтов, и соответственно общества в целом. Справедливы выводы авторов относительно того, что данные социальные квазисистемы – тоталитаризм и терроризм – обладают сходной природой, вытекающей из радикализма, имеют общие источники возникновения – аномию и системный «цивилизационный» кризис, и характеризуются такими типологическими чертами как относительная замкнутость, «унифицированные террористические архетипы и социокоды», линейность функций, ригидность, «идеологическое мифотворчество».

Избранный авторами ракурс рассмотрения проблемы терроризма как преимущественно социокультурного феномена обусловил постановку вопроса «о соотношении культуры/человека и насилия/терроризма, их взаимовлиянии». В данном ключе, описывая мифологические парадигмы насилия и особенности их перекодировки в феноменах терроризма, авторы рассматривают насилие как неотъемлемую часть культурного бытия человека, которое, будучи обличённым в легитимные формы (например, жертвоприношения или войны), выполняет функции структурирования социального пространства (стратификации), регуляции взаимодействий. «Возникновение культуры как сугубо человеческого способа действия тесно связано с насилием как формой принуждения ради достижения каких-либо целей».

Но терроризм как вид насильственного действия в отличие от жертвоприношения или войны нелегитимен, поскольку направлен, прежде всего, на дестабилизацию существ-

вующих отношений: он лишен сакральности, нарушает существующий социальный порядок, не совпадает по своим целям с действующими социальными институтами, не вписывается в доминирующую систему ценностей. Ключевой чертой терроризма является «отсутствие каких-либо правил и запретов на применение насилия». Однако авторы отмечают, что «в ситуации кризиса сакральности изменяется восприятие пространства и времени (хронотоп)», символический социально-нормативный кризис приводит к изменениям культурного образа мира и росту нелегитимного насилия – терроризма. Авторы тесно связывают кризис религиозных институтов как проявление общего кризиса сакральности с ростом нелегитимного насилия, ведь «именно сакральность, общепризнанная трансцендентность механизмов подавления насилия, заставляет отказаться от продолжения взаимного насилия».

Для обоснования антисистемного характера терроризма авторы анализируют культурно-идеологические архетипы и парадигмы исламского террора, и делают вывод о том, что его корни «уходят как в практику религиозных сект (иудео-манихейских, гностико-христианских и параисламских), так и в наработки светского терроризма, в том числе либерально-европейского (якобинцы) и европейско-социалистического (русские народники и социалисты)». Результаты сравнительного анализа исламского фундаментализма и ряда радикальных исламских течений (сект), проведенного авторами, указывают на квазисистемный характер данных движений именно в контексте ислама как религиозной системы и цивилизационного типа, поскольку они нацелены не столько на противодействие другим религиям, сколько на подрыв догм традиционного ислама и устоев исламской цивилизации.

Обращаясь к проблемам современной террористической угрозы, авторы вновь задаются вопросами поиска адекватных методологических моделей, которые бы позволили учесть мировоззренческую специфику, дифференцировать субъективное и объективное, реальное и виртуальное. Анализируя сложившуюся в области методологии социально-гуманитарных исследований ситуацию, авторы монографии логично приходят к выводу о смене нарративной формы мировосприятия визуальной, и обращают наше внимание на открытие новых возможностей для манипулирования и фальсификации оценок различных событий в результате соперничества интерпретаций. Доминирующее право на легитимацию социокультурных практик и формулировку оценок приобретает власть, «которая обладает монопольным правом не только на интерпретацию, но и на саму возможность быть услышанным, говорить и тем самым презентовать себя, быть». Методология дискурс-анализа дает инструментальный анализ репрезентаций событий или явлений через рассмотрение условий возникновения данной репрезентации; ее направленности, обусловленной позицией говорящего; специфики социального, культурного и символического «поля» ее формирования и функциональной направленности данного высказывания. Подобная стратегия исследования расширяет возможности интерпретации текстов и образов через функциональное маркирование дискурсных формаций.

В шестой главе авторы вновь обращаются к изучению государственного террора, но уже как разновидности сверхлегитимного насилия. Исследуя взаимосвязи русского революционного терроризма и тоталитаризма как кризисных явлений социальной системы, авторы подчеркивают схожий, выходящий за установленные законом рамки, характер транслируемого насилия: однако в случае с терроризмом насилия рассматривается как акты вне правового поля, а в случае государства – акты превосходящие, превышающее дозволенное в правовых рамках – сверхлегитимный террор. Через процессы утраты легитимности правящей системой и «превращения» правосудия в инструмент террора авторы объясняют маргинальный и антисистемный характер тоталитарного общества на примере советского российского общества.

В заключительной главе монографии представлен вторичный анализ данных социологических исследований проблем экстремизма в ЦФО Российской Федерации в контексте разработанной в исследовании культурно-антропологической парадигмы. Оценивая влияния, оказываемые социально-экономическими, демографическими, социокультурными, культурно-антропологическими, религиозными факторами, а также текущие условия жизнедеятельности регионального сообщества авторы делают вывод о латент-

ном характере угроз экстремизма и терроризма в российских регионах, отмечая при этом необходимость ведения профилактической работы во всевозможных формах. В качестве основных направлений профилактики выделяются: формирование правовой культуры населения; использование позитивных возможностей средств массовой информации; содействие занятости молодежи; взаимодействие светских организаций с представителями различных конфессий; организация содержательного досуга в молодежной среде; содействие формированию толерантности возможностями системы высшего образования.

В целом актуальность, проведенного авторами исследования определяется, прежде всего, важностью изучения культурно-антропологических механизмов формирования таких радикальных форм поведения как террор, с целью последующей разработки программ профилактики и создания условий гармоничного развития регионального сообщества.

Исследование выполнено на высоком теоретико-методологическом уровне, основано на проработке широкого спектра классических и современных философских концепций. Основные положения исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях феномена терроризма, в преподавании курсов общей социологии, политологии, культурологии и истории, спецкурсов по девиантологии.

Выводы и рекомендации по профилактике экстремизма и терроризма могут найти применение в практической деятельности муниципальных и региональных органов государственной власти и управления, отделов по делам молодежи, правоохранительных органов, образовательных и воспитательных учреждений региона.

REVIEW OF THE BOOK
“TERRORISTIC MAN: METHODOLOGY, CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL PARADIGMS,
EVERYDAY LIFE, REGION THREATS” BY MULTIPLE AUTHORS,
EDITED BY PROF. V. P. RIMSKIY

K. Y. Korolyova

Belgorod State University